

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

ЕНИСЕЙСКИЕ СТРАДАНИЯ-1 (ЦИКЛ ЗАМЕТОК О РАЗНОГЛАСИЯХ В ЧТЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ, А ТАКЖЕ ПО ВРЕМЕНИ ИХ СОЗДАНИЯ)

Аннотация. «Енисейские страдания» связаны, в первую очередь, с недатированностью енисейских рунических памятников, в целом и по отдельным группам, и порожденными этим обстоятельством острыми разногласиями среди специалистов по проблемам их датирования. Большая часть енисейских надписей теперь, в отличие от начального этапа их изучения во времена В. В. Радлова, признается относящимися ко второй половине IX–X вв. В статье предлагается методика опоры на внешние данные надписей, не связанные с обоснованиями исторического порядка, не дающими однозначных доказательных решений, а именно на палеографические признаки применяемого письма. В статье разбираются теоретические основы и практические выкладки палеографического подхода на примере группы памятников из Хакасии — Е-28, Е-29, Е-30, Е-37. Приводятся доводы С. Г. Кляшторного, выдвинувшего гипотезу об отнесенности этой группы надписей к середине VIII в., и контрдоводы не согласных с такой ранней датировкой этих памятников, в том числе наши доводы палеографического порядка.

Ключевые слова: древнетюркские рунические надписи, датирование недатированных памятников, палеография.

Енисейские памятники были введены в научный оборот в 1895 г. известным изданием В. В. Радлова «Древнетюркские надписи Монголии», в котором в виде отдельного раздела «Надписи из бассейна Енисея» были помещены первые чтения и переводы 40 надписей. Из них первые 24 номера заняли надписи с верховий Енисея, с территории нынешней Тувы, в то время входившей в состав Монголии, бывшей частью Китайской империи; остальные 16 надписей происходили с территории Среднего Енисея, земель Минусинской котловины, включая нынешнюю Хакасию и южные районы Красноярского края, которые входят в состав России. Однако российские надписи № 25–40 помещены рядом с «монгольскими» (тувинскими) надписями № 1–24 с Верхнего Енисея как имевшие несомненное историко-культурное сходство с ними [Radloff 1894–1895, с. 299–346].

Первые переводы енисейских текстов В. В. Радлова были очень несовершенны, что он сам признавал неоднократно. Поэтому последовали критические замечания и поправки со стороны видных тюркологов того времени, прежде всего, В. Томсена, О. Доннера, В. Банга, П. М. Мелиоранского,

С. Е. Малова и др. Учет поправок и открытие новых памятников позволяют приступить к обобщающим публикациям. В 1936–41 гг. в Стамбуле вышел в свет четырехтомник Х. Н. Оркуна «Древнетюркские надписи», в третьем томе которого приведены 43 надписи с рядом очевидных улучшений в переводах благодаря тому, что были учтены упомянутые поправки других ученых и сделаны собственные [Orkun 1936–1941, III, с. 1–246]. Первый этап изучения енисеики венчает, можно сказать, выход основополагающей книги С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков с надписями № 1–51 [Малов 1952]; в книге, вышедшей после кончины ученого, в этот счет были добавлены надписи, получившие затем номера 52 и 53 [Малов 1959, с. 70–72].

Уже на этом этапе стал очевидным тот факт, что енисейские памятники, все без единого исключения, не датируются ни прямо, ни косвенно (в отличие от орхонских, датируемых и прямо, датой в тексте — памятники в честь Кюль-тегина — 732 г., и Бильге-кагана — 735 г., и косвенно, как надпись Тоньюкука и отчасти др., по событиям, пересекающимся с надписями в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. Нет в енисейских текстах и откликов на какие-либо исторические события, известные из других источников.

В условиях недатированности части памятников какого-либо письма лингвистика предоставляет на службу истории скромные, на первый взгляд, возможности палеографии — вспомогательной историко-филологической дисциплины, основанной на классификации изменений в конструктивных начертательных особенностях букв любого определенного алфавита в зависимости от времени и места создания памятника. Типовые особенности начертаний, свойственные манере письма определенного периода и/или места, составляют хронологические приметы. Правда, для выстраивания начертательных особенностей по временной очередности нужны опорные точки, представляющие собой точно или относительно точно датированные памятники, в сопоставлении с которыми получают приблизительную хронологическую оценку памятники не датированные. Сложность выработки и применения схемы датирующих примет в нашем случае состоит все в том же: ни одна из енисейских надписей не имеет какого-либо недвусмысленного указания на время своего создания. Не из чего выбирать опорные вехи!

Еще одна особенность енисейских памятников не способствует упорядочиванию сведений об основах организации применяемой здесь разновидности тюркского рунического письма: начертания енисейских графем не отличаются ни строгостью, ни даже единообразием, как от одного памятника к другому, так и внутри одной надписи. Это разительно отличает их от орхонских стел, в отношении дукта букв, строго выполненных китайскими опытными резчиками. Кроме того, число применяемых в енисейских

надписях графом превышает цифру 50, поскольку встречаются буквы, отсутствующие в 38-значном алфавите орхоники, что тоже принималось, почему-то, рядом исследователей за признак древности.

В силу сказанного, оценивая общее соотношение в начертательных особенностях одних и тех же букв обоих вариантов одного, орхоно-енисейского письма (а в их принципиальном единстве не было сомнения), В. В. Радлов, а за ним и другие тюркологи, пришли к заключению, что енисейские надписи сохраняют более древние, «еще не устоявшиеся» формы знаков, а потому памятники с Енисея палеографически могут быть определены как более древние, чем орхонские. Правда, никакими конкретными начертательными построениями и выкладками указанные допущения не сопровождалось. При этом В. В. Радлов, оценивал возраст енисейского письма концом VII — началом VIII в. [Radloff 1894–1895, с. 301], П. М. Мелиоранский — VI–VII вв. [Мелиоранский 1903, с. 036], а С. Е. Малов писал, что «язык этих надгробий — это кладбищенская поэзия века V нашей эры!» [Малов 1952, с. 8].

Коренной перелом в воззрения на этот вопрос внесли работы Л. Р. Кызласова [Кызласов 1960; 1965]. Ряд положений этих работ, на которые указывали рецензенты (например, [Батманов 1963]), действительно, трудно принять: это идея о том, что однотипные тамги на памятниках, различающиеся дополнительными черточками, принадлежат прямым потомкам и их можно выстроить по нисходящей лестнице, хронологизируя надписи относительно друг друга; идея о возможности получить дополнительные хронологические данные из сопровождающего археологического материала; идея о том, что енисейские кыркызы это то же самое, что древние хакасы (надо сказать, положение, высказанное еще В. В. Радловым [Radloff 1894–1895, с. 301]). И все же основная мысль о меньшей древности енисейских памятников в сравнении с орхонскими постепенно нашла признание.

Так, уже в 1972 г. в своем историко-этимологическом словаре Дж. Клосон принимает поправки Л. Р. Кызласова и отказывается от ранее общепринятого датирования надписей с территории Тувы VI веком в пользу IX и последующих — X и частично XI вв. При этом Дж. Клосон отделяет от тувинских надписи с территории Хакасии, которые относит по языку к группе тюркютских (в отличие от надписей из Тувы, относящихся к уйгурской группе) и датирует их VIII в., считая, что тюркютско-хакассские памятники установлены представителями западных, младших тюрок, сбежавших сюда после разгрома Тюркской империи в середине VIII в. [Clauson 1972, XIV].

Л. Р. Кызласов придавал значение палеографическим данным для датировки енисейских памятников, но справедливо полагал, что палеография этих памятников «не разработана именно из-за отсутствия твердых дат»

[Кызласов 1960, с. 93). Первый опыт палеографии древнетюркского рунического письма в целом, но не на основе общего впечатления о «большей древности начертаний», а на базе поэлементного анализа графем, позволившего выстроить логику и, тем самым, очередность наступления изменений в облике алфавитных знаков, был опубликован автором этих строк через 15 лет после статьи Л. Р. Кызласова [Кормушин 1975]. Дж. Клосон, умерший в 1974 г., к сожалению, не увидел этой статьи. Но ее заметили и Л. Р. Кызласов, и А. Н. Кононов, с которыми я лично общался по этому поводу. Обобщая указанные подвижки в деле датирования данной группы памятников, А. Н. Кононов пришел к такому заключению: «Мне представляется, что, судя по довольно многочисленным эпитафиям, найденным в бассейне Енисея, тюркские енисейские памятники следует датировать IX–X вв.; наиболее вероятно, с исторической точки зрения, что они относятся (в основной массе) к IX в.» [Кононов 1980, с. 20].

Несколько раньше этого вывода в 1976 г. С. Г. Кляшторный публикует в сборнике в честь 70-летия А. Н. Кононова статью «Стелы Золотого озера». С. Г. Кляшторный посчитал, что упоминание в тексте Е-28 (Алтын-Кель I) Сонгайской черни в качестве родины меморианта по имени Барс позволяет отождествить его с персонажем орхонских надписей — Барс-бегом, и на основании этого «совпадения» датировать алтынкельскую надпись началом VIII в., т. е. известным походом тюрков против кыркызов зимой 710–711 гг., закончившемся битвой с каганом кыркызов именно в черни Сонга [Кляшторный 1976, с. 265–266]. Наш анализ не только этого, но и других енисейских памятников показывает, что Барс является скорее клановым, фамильным именем, и было несколько Барсов, проходящих в качестве мемориантов в следующих надписях: в Е-14, Чаа-Холь II, Тува — Эльчи-чор Кюч Барс; в Е-17, Чаа-Холь V, Тува — Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг; в Е-28, Алтын-Кель I, Хакасия — Бай Опа Барс; в Е-98, Уйбат VI, Хакасия — Алыч Барс Тириг Бег. Меняющиеся компоненты перечисленных составных имен говорят за то, что элемент Барс — не индивидуальное имя.

Надписи Алтын-Кель I и Алтын-Кель II, как явствует из формы этих памятников и текста Алтын-Кель II, посвящены братьям-близнецам. Эта идея была подсказана мне Лэрри Кларком во время моей стажировки в Блумингтоне зимой 1994–95 гг., когда я показывал ему эскизы своей будущей книги 1997 года [Кормушин 1997, с. 73–74]. При допущении братьев-близнецов стал понятен адресат одиночного (еще до прощания с членами собственной семьи) обращения *ikkizim-ä* ‘о, мой брат-близнец’ в тексте Алтын-Кель II: это, по всей очевидности, мемориант памятника Алтын-Кель I. При этом в тексте Алтын-Кель II есть совершенно отчетливые манихейские реминис-

ценции, заведомо отдаляющие датировку этой надписи, а значит и близкой, и частично идентичной ей надписи Алтын-Кёль I, более, чем на полстолетия (710 г. — время тюркско-кыргызской войны → после 762 г., даты принятия уйгурами манихейства), а если более реально — уводящие дату создания этого текста в IX в. Выдающийся французский тюрколог Л. Базэн, на основе исторических выкладок, относил алтынкёльские стелы к середине IX в., что, на наш взгляд, гораздо ближе к истине.

Палеографические признаки дают достаточно общее разбиение орхон-енисейских памятников на несколько временных и территориально-государственных групп: 1) надписи отюкено-тюркские (орхонские), с территории Монголии, кон. VII в. — 30-е гг. VIII в., т. е. в пределах политической истории Второго восточно-тюркского каганата (682–744 гг.); 2) надписи отюкено-уйгурские, с территории Монголии, втор. пол. VIII в. — перв. пол. IX в., т. е. в пределах политической истории Уйгурского каганата (745–840 гг.); 3) надписи енисейско-кыргызские, из бассейна Енисея плюс небольшая группа из сев.-зап. Монголии втор. (?) пол. IX — кон. X — нач. XI вв., т. е. в пределах политической истории Кыргызского каганата; 4) надписи восточно-туркестано-уйгурские, с территории древнеуйгурских княжеств в Турфане и др. местах, X–XI вв.; 5) надписи из Средней Азии, из долины р. Талас в современной Киргизии — по чисто палеографическим основаниям, подкрепленным некоторыми языковыми данными, их следует принять за ответвление енисейско-кыргызской группы, с не вполне ясной хронологией этих памятников, выходящей, скорее всего, в X в.; 6) северо-алтайско-кыргызские надписи с территории Горного (Северного) Алтая, по палеографическим приметам на уровне позднеенисейских надписей, скорее всего, X в.

В нашей первой классификации 1975 г. недоставало четвертой и шестой групп. Четвертая группа принималась мною как продолжение второй на иной территории в последующее время, и мне казалось, что восточно-туркестанская руника не оказывала влияния на енисейскую, ввиду разобщенности этих территорий. Как теперь ясно, это было ошибочное мнение. Шестая группа хотя и видится как дальнейшее развитие енисейской руники, так что результаты этого развития должны учитываться в истории енисеики, но по этим надписям практически не было достоверных, удовлетворительных публикаций. Сейчас же, когда появилось немало работ целого ряда исследователей, а самое главное, вышел первый обобщающий труд по всем надписям Горного (Северного) Алтая [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012], это положение дел, как и в отношении четвертой группы, нашло отражение в нашей новой классификации [Кормушин 2013]. Вполне

возможно, что группы кыргызского «замеса» — № 3, 5 и 6 представляют собой некоторое историко-этническое единство, связанное с современными, близкородственными (!) диалектами — северо-киргизскими и южно-алтайскими. Внутри первой, отюкено-тюркской группы возможно более точное датирование памятников как по содержательным данным, так и по палеографическим приметам: а) доорхонские, б) орхонские — и в нашей первой классификации 1975–1997 гг. они были отдельными группами, однако содержательное и языковое единство главнейших тюркоязычных надписей, конечно, гораздо важнее их палеографических расхождений.

Во всех группах рунических памятников для рун, служащих хронологическими маркерами, а всего нами было выявлено 11 рунических букв, могущих быть такими маркерами, выстраиваются цепочки последовательно, в отдельных чертах или в их совокупностях, меняющихся графем. Опираясь на последовательность таких изменений, можно говорить «о более поздних» или «о более ранних» вариантах тех или иных графем в рассматриваемом памятнике. В случае енисейских (и таласских) надписей подобные робкие оценки не дают необходимой временной детализации все по той же причине — отсутствию хотя бы нескольких опорных, датированных надписей. Однако принципиальная, общая для всех кыргызских (и таласских) надписей граница между ними и тюркскими и уйгурскими надписями устанавливается именно на основе палеографических данных [Кормушин 1975, с. 38–43; Кормушин 1997, с. 24–28]. По поводу сказанного относительно палеографических критериев рассмотрим некоторый конкретный материал.

Разновидности графем для палатального b^2 . Во всех доорхонских стелах — Чйр, Тон, Онг, КЧ — руна для b^2 выводится с округлой головкой: $\mathfrak{Q}$. Орхонскую форму можно рассматривать как превращение этого курсивного начертания в прямоугольное: $\mathfrak{X}$. Именно из орхонской прямоугольной формы развивается уйгурско-руническое и енисейское начертание в виде «домика» благодаря тому, что появляются продолжения верхних линий в виде «навесов крыши»: $\mathfrak{A}$. Во всех енисейских памятниках элементы нависающей крыши сохраняются, в разных памятниках делаясь то короче, то длиннее: $\mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{X}$; другое изменение захватывает внутреннюю часть, уменьшая нижнюю часть крестовины а иногда заменяя ее одной вертикальной чертой: $\mathfrak{X} \rightarrow \mathfrak{Q}$. Чем можно доказать, что развитие идет именно в таком направлении: $\mathfrak{Q} \rightarrow \mathfrak{X} \rightarrow \mathfrak{A}$, а не наоборот: $\mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{X} \rightarrow \mathfrak{Q}$? Полагаем, что в Онгинской надписи, которая заведомо старше енисейских памятников, в нескольких случаях (в словах $b\bar{a}r$ - и $b\bar{a}g$, строки 6 и 7) сохранилась исходная форма b^2 в виде двух взаимопересеченных дуг: $\mathfrak{Y}$ (наподобие енисейского знака для полуузкого $\dot{e}$, о чем еще будет речь ниже). Понятно, в этом случае трансформация заключается

в потере верхних хвостиков пересечений дуг, в то время как нижние были пропорционально увеличены; дальнейшая очередность изменений графемы для b^2 уже фактически изложена выше; итак: $\mathfrak{I} \rightarrow \mathfrak{Q} \rightarrow \mathfrak{X} \rightarrow \mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{Q} \rightarrow \mathfrak{A}$.

Разновидности графем для велярного t^1 . Цепочка начертательных изменений начинается с графемы ассиметричного рисунка, единично и всего в нескольких словах сохраненной в надписях Онгинской и Кюли-чора: $\mathfrak{D}$; нормативным же строением этой руны уже в доорхонских надписях становится симметризованная форма: $\mathfrak{A}$, от которой производна прямоугольная орхонская форма Т. Прототипы с крышей преобразовывались со временем в двух направлениях: а) соединительная вертикаль в сторону крыши уменьшалась, а затем сходилась на нет: $\mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{A}$; б) колечко внизу раскрывалось, так что наряду с закрытыми формами в доорхонских, а затем и по эстафете в отюкено-уйгурских памятниках развились формы с раскрытым колечком внизу: $\mathfrak{A}$. Из этого последнего, благодаря полному отпадению вертикали и раскрытию нижней части до упрощенного повторения крыши развилось стандартное общеенисейское начертание: $\mathfrak{A}$. Итак: $\mathfrak{D} \rightarrow \mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{T} \rightarrow \mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{A}$.

Уже по формам графем для b_2 : $\mathfrak{A}$ и t_1 : $\mathfrak{A}$ на стелах Алтын-Кель I и II совершенно однозначно можно определить отнесенность данных памятников ко времени не ранее второй половины IX в. На самом деле палеографических примет доказательного характера гораздо больше, как уже сказано выше. Еще об одной расскажем ниже. Палеографические приметы вкупе с содержательным признаком — тем фактом, что имя Барс является не индивидуальным, а клановым — вполне должны были убедить С. Г. Кляшторного в ошибочности своего предположения о тождестве меморианта Алтын-Кель I с персонажем событий 711 г. согласно орхонским надписям. Однако к страданию енисейской рунологии, С. Г. Кляшторный до конца отстаивал это свое воззрение. Более того, в одной из своих последних публикаций он не только повторил эту свою гипотезу, но и расширил круг памятников, относимых им к «первой половине VIII в.», прибавив к их числу надписи Е-30 и Е-37 [Кляшторный 2012, с. 25]. Разберем аргументацию ученого несколько подробнее.

С. Г. Кляшторный начинает свое обоснование по сплачиванию этой группы надписей таким допущением: «Брат Барс-бега ушел послом в Тибет» {*är ärdäm ücün tüpüt qanqa jalabač bardim kälmađim* ‘во имя доблести мужа-воина я отправился послом к тибетскому хану и не вернулся’ — Е-29; по кн.: [Кормушин 2008, с. 121]; текстовое дополнение наше — И. К.}; «еще одного посла, именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, Барс-бег отправил за поддержкой к Кара-хану (Е-30)» {*ärdämin ücün ilindä qara qanqa baripan jalabač baripan kälmađiniz bağim-ä* ‘во имя своей доблести отправившись из

своего государства к Кара-хану, отправившись послом, Вы не вернулись, мой бег' — Е-30_{4,5}; по кн.: [Кормушин 2008, с. 122–123]; текстовое дополнение наше — И. К.] [Кляшторный 2012, с. 25].

Строго говоря, какой-либо текстуальной связи между надписями Е-29 и Е-28 с одной стороны и Е-30 с другой нет, поэтому предположение об их синхронности и соподчиненности является натяжкой.

Далее С. Г. Кляшторный делает еще одно допущение: «о том, кого кыргызы называли Кара-ханом, свидетельствует другая надпись, выбитая на спине каменного изваяния из долины р. Тесь (Е-37)»; «в тексте от лица меморианта сообщается, что он — *тюргеиш* и *ичрек*, т. е. 'доверенное лицо, советник' Кара-хана [Кляшторный 2012, с. 25]. Поскольку С. Г. Кляшторный основывается на моем чтении этого памятника, отличающемся значительно от чтения С. Е. Малова, то я должен расширить сведения о том, что представляет собой текст этого памятника в моем понимании. В его, текста Е-37, трех коротеньких, в 5–6 слов, строчках пять раз встречается предикативный показатель авторепрезентации *bän* «я есть ... (*тот-то* или *такой-то* — по имени, должности-званию, национальности и т. п.)». Приведу текст полностью, ставя две параллельные прямые после каждой из пяти предикаций: Е-37 (1) *bän qara qan içrägi bän* || (*ä*)zg... (2) ... *bän* || *j(a)b(a)qu t...da bän* || ... (3) *türgäš bän* || *čaŋši bän* || *bič j'* «(1) Я — *ичрек* (доверенное лицо) Кара-хана. Я — Эзг... (2) ... Я — от (племени) ябаку... (3) Я — Тюргеш. Я — летописец. Г(од) обезь(яны)' [Кормушин 2008, с. 128].

Получается, что в тексте Е-37 перед нами перечисление лиц без каких-либо их действий, характеристик. Поэтому соединение *тюргеиша* (личность № 4) с *ичреком* (личность № 1) в одну персону кажется неоправданной, поскольку между ними были поименованы еще две другие личности (к сожалению, из обозначения личности 2 прочитываются только первые две буквы), а в конце текста, после перечисления всех пяти личностей, неясно читаемое слово, как будто с обозначением года животного цикла, так что все это похоже на запись почетных участников траурной церемонии с указанием даты события. И понятно, такая запись не увязывается с толкованием, предлагаемым С. Г. Кляшторным.

Отдельно следует остановиться на положении С. Г. Кляшторного о том, что «именно ханов из династии кара-тюргешей, носивших официальный титул “каганов (народа) десяти стрел” в енисейских надписях именуют кара-ханами» (отсюда датирование надписи Е37 и «связанных» с ней надписей Е-30 и Е-29 временем до конца существования государства тюргешей — до 766 г. [Кляшторный 2012, с. 25]. Здесь сошлюсь на не менее компетентное мнение Дж. Клосо́на: «Kara Xan [Yen.] 30, 4; 37, 1, вероятно, эпоним основате-

ля Караханидской династии» [Clauson 1972, p. 630]. Говоря «об основателе», а не в целом о династии, Дж. Клосон ограничивает время серединой IX в., но не VIII в., как это выходило у С. Г. Кляшторного.

Продолжая поиски усовершенствования собственно палеографического анализа тюркских рунических надписей и в обобщение практического опыта работы по ряду памятников, в том числе, по алтынкельским енисейским стелам, мне недавно удалось сформулировать некий методический принцип «учета относительной последовательности структурных изменений графем». Конкретные преобразования в начертаниях рун, служащих датирующими приметами тюркского рунического письма, у нас продемонстрированы выше в виде «цепочек последовательно меняющихся графем». Оказалось, что общее правило выстраивания таких цепочек описывается следующей аксиомой (№ 1): «некоторые последовательности изменений в начертательной структуре ряда рунических графем имеют свою логику, поскольку часть таких изменений не может наступить раньше, чем осуществятся изменения, препятствующие им» [Кормушин 2013, с. 3]. Скажем, невозможно представить трансформацию графемы b^2 раннего, доорхонского курсивного вида в стандартную енисейскую букву с «навесами крыши» без наличия промежуточной орхонской прямоугольной формы . В этой же цепочке разновидностей b^2 не понять, как может появиться руна с вертикальной палочкой после скрещения вместо окончания крестовины: , если не принять во внимание, что какое-то время существовала графема с заметно уменьшенной крестовиной .

В общий принцип «учета относительной последовательности структурных изменений графем» входит и другое явление из числа изменений в облике алфавитных знаков, которое можно описать теоремой № 2: «появление графемы из состава традиционного алфавита в каких-либо надписях в совершенно новой функции свидетельствует о том, что прежняя графема в той первичной функции изменилась настолько, чтобы ее смогли легко отличить от инновационной графемы».

Именно в подобном ключе мы можем объяснить появление со временем в ряде енисейских памятников, в том числе, в Алтын-Кель I (Е-28), а также в Кёжээлиг-Хову, Тува (Е-45) и др., знака для полуузкого $\acute{e}$. Естественным, что такой знак, идентичный раннему : b^2 , не мог войти в рунический алфавит раньше, чем полностью забудется прежняя функция : b^2 . Действительно, в указанных памятниках Е-28, Е-45 звук «бэ палатальное» (b^2) передается графемой , уже ничем не напоминающей знак .

В этих же енисейских памятниках были обнаружены сначала А. С. Аманжоловым в 1981 г. в тексте Е-45 [Аманжолов 1981, с. 24–25, 36–38], и много

позже мной в тексте Е-28 [Кормушин 1997, с. 76] редкий для енисеики (а потому не понятый и неправильно прочитанный первоиздателями) знак 𐰢, характерный для восточнотуркестанской руники в слоговом чтении ор/ур. Фонетическую расшифровку этого знака дает листок с обрывком упражнений по обучению рунической азбуке, относящийся, как теперь думают, к архиву X в. Знак 𐰢: ор/ур неоднократно применен в рукописном тексте «Ырк битиг».

Однако самое примечательное в этом енисейско-восточнотуркестанском совпадении состоит в том, что знак 𐰢, именно в таком начертании, входил в 38-значный орхонский алфавит, но в ином чтении — мягкорядного огубленного силаба ök/ük. Наш анализ показал, что в енисейских и восточнотуркестанских памятниках эта графема через промежуточную стадию закругления колен 𐰢 приобрела закрытую форму в виде «очков» (или русской буквы В) 𐰢 [Кормушин 1975, с. 39]. Памятник Е-28, как и Е-45, имеет это характерное перестроение графемы 𐰢: ök/ük, предоставившего прежней структуре из двух незамкнутых колен 𐰢 перейти на обозначение другого звукового комплекса: ор/ур. Понятно, что речь не идет о каком-либо звуковом переходе из-за разницы в рядности (палатальности/велярности) обозначаемых этими графемами силабов. Да и сохранение в составе алфавита мягкорядного силаба, хотя бы и в измененном виде, как будто указывает на разные источники их возникновения. С другой стороны, эта разница самым убедительным образом показывает, что памятники наподобие Е-28, обладающие одновременно рунами 𐰢: ök/ük и 𐰢: ор/ур, не могут относиться к эпохе создания памятников наподобие орхонских надписей, в которых графема 𐰢 имеет исконную фонетическую реализацию в виде мягкорядного огубленного силаба ök/ük.

Библиография

1. Аманжолов 1981: Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика. 2. Алма-Ата, 1981.
2. Батманов 1963: Батманов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности // Ученые записки Тувинского НИИ ЯЛИ. Вып. 9. 1963.
3. Кляшторный 1976: Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.
4. Кляшторный 2012: Кляшторный С. Г. Енисейские рунические памятники о кыргызах и «Великий поход» Манаса // Российская тюркология. № 2 (7). 2012. С. 25–29.
5. Кормушин 1975: Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. №2. 1975. С. 25–47.

6. Кормушин 1997: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
7. Кормушин 2008: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.
8. Кызласов 1960: *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. №3. 1960. С. 93–120.
9. Кызласов 1965: *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. №3. 1965. С. 38–49.
10. Мелиоранский 190: *Мелиоранский П. М.* Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея // ЗВО РАО, т. XV. Вып. 1, 1903. С. 034–036.
11. Малов 1952: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
12. Малов 1959: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
13. Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: *Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Igor V. Kormushin

THE YENISEI SUFFERINGS-1 (A CYCLE OF ARTICLES DEDICATED TO THE CONTROVERSY ON THE READING, INTERPRETATION AND DATING OF THE YENISEI RUNIC TEXTS)

Abstract. *The «Yenisei sufferings» are associated primarily with the undated Yenisei runic monuments (as a whole and in specific groups) and the sharp disagreement generated by this fact among experts on the problems of dating. Most of the Yenisei inscriptions now, in contrast to the initial phase of their study in the days of W. Radloff, are recognized as related to the second half of the IX–X centuries. The paper proposes a method of relying on the external data of the inscriptions that are not related to historical reasoning that cannot provide decisive and demonstrative evidence, namely, on the paleographic characteristics of the writing. The article deals with the theoretical basis and practical calculations of the paleographic approach on the example of a group of monuments in Khakassia — E-28, E-29, E-30, E-37. It presents the arguments of S. G. Klyashtornykh who proposed the hypothesis of the relatedness of this group of inscriptions to the middle of the VIII century, and the counter-arguments of those who do not agree with such an early dating of these monuments, including our paleographic arguments.*

Keywords: Old Turkic Runic Inscriptions, dating of undated monuments, paleography.